

Полина
Колозариди

Сокровенный надзор: зачем Шошане Зубофф старый капитализм и можно ли без него обойтись?

*Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее
на новых рубежах власти*

Шошана Зубофф

М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

*Полина Колозариди
(р. 1987) – исследова-
тельница и препода-
ватель Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики» и
Национального исследо-
вательского универси-
тета ИТМО, координа-
тор клуба любителей
интернета и общества.*

Книга Шошаны Зубофф «Надзорный капитализм» в русском переводе занимает почти 800 страниц. Если собрать уже написанные на нее рецензии в один том, он будет примерно такого же объема. Эта книга стала основой для многих дискуссий, а ее название – удобным понятием для обозначения изменений в политике и экономике. Базовым ответом на вопрос «Что происходит с нашими данными в цифровых сервисах?» часто становится – «Надзорный капитализм».

Это словосочетание объясняет как будто больше, чем просто утверждение «за нами следят». Ведь само наблюдение (не вполне заметное, когда оно происходит в интернете) или получение прибыли на данных не всегда выглядят вызывающими. Другое дело – если они представляются как новая стадия развития капитализма. Но книга Зубофф не продолжение «Капитала» – она скорее похожа на журналистское расследование. И все же «Надзорный капитализм» произвел именно интеллектуальный эффект.

Чтобы разобраться в особенностях этой работы, далее я постараюсь воспроизвести структуру рецензируемого произведения: начну с критического рассказа о ключевых идеях и основной метафоре книги, затем опишу ее содержание и в завершение предложу действия, возможные по прочтении этого короткого обзора.

ГИБЕЛЬ СОКРОВЕННОГО ДОМА

Книга состоит из трех частей и семнадцати глав. Зубофф с самого начала говорит: мы¹ не знаем, что такое надзорный

1 Это загадочное «мы» будет менять свое значение на протяжении книги, и его формирование, возможно, является одной из задач Зубофф.

капитализм, а ведь это новое, не названное никем ранее зло мира. Поэтому ей нужно будет объяснить его существование (первая часть), динамику (вторая часть), основания (третья часть) и способы противодействия ему (заключение). В собственном многом современном североамериканским авторам духе Шошана Зубофф делает научно-просветительскую и политико-активистскую работу как одну. Предполагается, что действующие институты производства и распространения знания – от университетов до медиа – достаточно хороши, чтобы вразумить людей и побороть надзорный капитализм. Главное – понять, в чем проблема и зачем бороться.

Мотивация к борьбе предлагается почти с самого начала. Шошана Зубофф не скупится на оценочные высказывания о сущности того, что происходит с пользователями бытовых устройств и сервисов – от пылесоса до аккаунта в крупной социальной сети. Говоря коротко, люди находятся не просто под колпаком наблюдающих систем – их поведение постоянно корректируется для обогащения капиталистов. И дело здесь не только в деньгах. Куда большую проблему Зубофф видит в знании, а точнее, его неравном распределении. Она называет это разделением знания (по аналогии с разделением труда)². Сущность этого процесса в следующем: те, кто является источником знания, не могут им распоряжаться. Знанием Зубофф считает те сведения об осуществленных действиях пользователей цифровых сервисов, которые позволяют предсказывать их будущие поступки.

Книга обращена не столько к пользователям, сколько к тем, кто планирует активно участвовать в создании высоких технологий. Подразумевается, что проведенный Зубофф анализ и сделанные на его основе предупреждения могут сподвигнуть создателей приложений и гаджетов к рефлексии, а управленцев – к лучшему пониманию сложности процесса цифровизации.

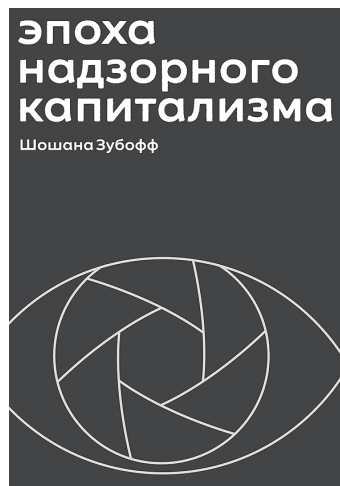
Шошана Зубофф ставит задачи, похожие на те, что выполняла социология в первой половине XX века: понять, как устроен новый мир, в чем его болезненная несхожесть со старым и как в нем научиться жить. Социологи работали с проблемой городов, где уклад жизни отличался от сельского, а у Зубофф в центре внимания – проблема интернета и технологий вокруг него.

Болезненная несхожесть нового мира со старым проявляется в книге в беспокойстве о доме. Разрушенный дом самой Шошаны становится метафорой и исчезающего ощущения дома вообще, и разрушающейся с помощью машин сокровенной души

2 В русском переводе термин не совсем ясен. У Зубофф речь идет о разделении познания (*social division of learning*), а не знания (*knowledge*). Акцент на познании как деятельности позволяет критиковать организацию и институты образования, см., например: WILLIAMSON B. *Learning from Surveillance Capitalism* (<https://perc.info/node/9772>).

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

человека. Машины сейчас научены корпорациями наблюдать за людьми и корректировать их действия в угоду рынку. Это создает опасность как для людей, так и для капитализма. Ведь традиционный капитализм, согласно Зубофф, эксплуатировал людей, но взамен давал им комфортный быт и дом. Надзорный же капитализм изымает у человека индивидуализм, подрывает отношения собственности и переживание интимности – а на фундаменте из индивидуализма, собственности и интимности и строится аллегорический дом Зубофф.

Пожалуй, такая концентрация на одной ключевой метафоре помогла Зубофф на протяжении сотен страниц ни разу не упомянуть, что она далеко не первая, кто беспокоится о происходящем. Русскоязычному читателю могут быть знакомы тексты Гирта Ловинка, Аннетт Маркхэм, Евгения Морозова, Дэны бойд. У англоязычного обеспокоенного пользователя социальных медиа или критика современных способов обращения с данными могут быть книги Кристиана Фукса, Йосе Ван Дейк, статьи Майкла Циммера, Кейт Кроуфорд и многих других. Эти исследователи подробно и критично изучают, что происходит в политике и экономике социальных медиа, обращаясь к эмпирическим исследованиям и разным теориям.

Чего не смогли сделать все эти люди, но смогла Шошана Зубофф? Двух вещей: они не ввели термин и не выразили общее беспокойство тем, что с нами происходит в интернете и вне его, когда мы ежедневно взаимодействуем с десятками надзирающих за нами аппаратов – от турникетов в метро до пульсомера в часах.

Беспокойство у Зубофф неоднородно, оно отсылает сразу к нескольким теоретическим традициям. Отношение к капитализму и труду намекает на пристрастие к прикладному марксизму, а отсылки к Эмилю Дюркгейму, Жану-Полу Сартру и Эрвину Гоффману предлагают почву для критики понятия «поведение». Но самое загадочное в философских основаниях книги – это сочетание консервативного пестования дома и границ приватности с верой в прогресс человеческой способности к действию. Мартин Хайдеггер³ и Ханна Арендт примирились в книге Шошаны Зубофф. Так и весь XX век представляется в книге изжитым, миновавшим и изредка напоминающим о себе словами из прошлого. Это позволяет не говорить о цифровом тоталитаризме и вывести разговор из сферы традиционного алармизма в духе воображаемого Большого Брата в каждом гаджете. Но одновременно этот подход делает политическую структуру книги плоской и лишает читателя возможности

3 Подробнее о том, как соотносятся консервативные взгляды Мартина Хайдеггера и критика размывания бинарных оппозиций см. в: Гумбрехт Х.У. *В 1926 году: на острие времени*. М: Новое литературное обозрение, 2005; Бурдье П. *Политическая онтология Мартина Хайдеггера*. М.: Практика, 2003.

думать об альтернативах: индивидам, согласно Зубофф, следует продолжать эмансипироваться, ведь все, созданное людьми, может быть ими изменено (в качестве примера она приводит Берлинскую стену). Индивидуальная экзистенциальная тоска по подлинности и восхваление возможностей либеральной демократии редко сходились в XX веке. Но в XXI веке они оказываются малоразличимы и одновременно как будто эмансипаторны. В версии Зубофф получается, что консервативные революционеры объединились с фордистами. Если вспомнить относительно недавнюю европейскую историю, то их объединение напоминает о 1930-х – например, в Германии. Но не стоит обращаться только к истории Европы. Например, в Корее такая комбинация идеологий сочеталась с другими политическими формами.

И, хотя мое описание может звучать иронично, нельзя не признать, что книге удалось сделать важную работу. Разбираясь с тем, что сделано в «Надзорном капитализме», мы можем к Зубофф присоединиться, а критикуя – продолжить. Или, наоборот, сделать нечто радикально иное, наблюдая последствия интеллектуального плача о доме.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

ПОВЕДЕНИЕ И ВСЕ БОЛЕЕ УДОБНЫЙ МИР

Книга начинается с погружения в драматичное незнание. Мы не понимаем сущности надзорного капитализма, хотя и (все) живем в нем. Основные деятели надзорного капитализма – это большие технологические компании: «Google», «Meta Platforms», «Amazon» – и те, с кем они работают.

Надзорный капитализм отличается от всех прочих тем, что его клиенты – это не люди, а «предприятия, которые торгуют на рынках будущего поведения» (с. 21). А пользователи оказываются источником ресурса – «поведенческого излишка». Так Зубофф называет данные об опыте людей, собираемые большими корпорациями на основе их действий в интернете, в «умных домах», городских сервисах и так далее. Проблема не только в сборе данных, но и в том, что знание, которое из него извлекается, не известно самим пользователям и создает огромную асимметрию возможностей. В книге много примеров того, как технологические изменения влияют на людей, а они/мы неспособны противостоять этим изменениям. Неспособность связана с разделением знания. Все это вместе лишает современников и современниц Зубофф возможности автономно действовать и иметь «волю к воле». В первых частях книги она часто приводит в пример прежнего положения дел своих предков, бежавших в Америку из села под Киевом. Они, входя

в мир «второго модерна», проявляли автономию и изобретательность, пользовались свободой слова и ставили собственные цели. Сейчас все это находится под угрозой, так как корпорации не только изучают поведение, но и корректируют его, мешая людям отделять свои устремления от действий машин и их настройщиков по устроению общего улья.

Вторая часть книги посвящена тому, как это стало возможным. Ведь сами по себе инженеры и айтишники не собирались превращать мир в улей. Сами по себе поисковые системы или мессенджеры не очень выгодный бизнес. В начале 2000-х над незадачливыми умниками иронизировали журналисты «New York Times», а инвесторы не торопились снабжать их новыми деньгами. И вот «Google», а за ним и остальные корпорации стали сами изучать действия людей, продавая их данные рекламодателям. Поначалу это тоже не приносило огромных доходов – но, когда оказалось, что можно влиять на будущие действия людей, зная их прошлые шаги и делая предсказательные модели, бизнес пошел в гору. А как стало возможным это знание? Благодаря умению ученых-бихевиористов объяснять действия «поведением». Подобно тому, как зоологи устанавливают датчики бобрам или голубям, чтобы следить за их перемещениями, надзорные капиталисты снабдили пользователей датчиками в мобильных телефонах и сделали предметом фиксации каждое действие – от перемещения или заказа еды до общения с возлюбленными и защиты диссертации. На основе полученных схем пользователям не просто показывают контекстную рекламу, но формируют их социальный и жизненный опыт. Ведь эти данные становятся основой алгоритмов, а на них работают и ленты в *Instagram* и *Facebook*⁴, и предложения в поисковике, и городские сервисы, да и сами смартфоны подстраиваются под пользователя, будучи изначально брусками из стекла и металла, неотличимыми друг от друга.

Почему же люди не против такого положения дел? В первую очередь потому, что и им хочется жить во все более удобном мире. Персональные помощники, автомобили, которые сами подвозят вас к дому, разогретый ужин к вашему возвращению – это теперь не удел богачей, а возможности среднего класса. Замечу, что в этой аргументации Зубофф оказывается по отношению к людям так же неэгалитарна, как и надзорные капиталисты, описанные ею. Согласно ей, люди слепо хотят наживы, одобрения или комфорта и идут на сделки, не чуя беды. Критикуя Зубофф, замечу, что исследования антропологов,

⁴ Здесь и далее при упоминании *Facebook* и *Instagram*: деятельность компании «Meta Platforms Inc.» по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* – запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22 марта 2022 года по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

в том числе такие масштабные, как «Why we post» или ASSA⁵, показывают, что у пользователей есть собственные резоны и смыслы, которые они назначают происходящему. Кстати, я не отрицала бы подобных способностей и у гусей с бобрами⁶.

Человеческая жадность и неадекватность не единственные основания для процветания надзорных капиталистов, которые выделяет Шохана Зубофф. Она приводит шестнадцать причин, по которым «это сошло им с рук». Среди них: попустительство государств, увлеченных возможностями контроля (дело началось вскоре после 9/11); образы героических предпринимателей Кремниевой долины; институционализация цифровых сервисов; захват данных, чья ценность не была понятна людям; риторика о том, что таким образом мир меняется к лучшему (а также скорость этих перемен). Интересно, что если правительство США выступает скорее как подстрекатель, поощряющий системы контроля, то Китай в книге Зубофф выглядит уже настоящим бенефициаром сращивания государства и корпораций. Она оговаривает, что дело еще и в традициях этой страны, в кризисе доверия, связанном с экономическим ростом и урбанизацией. Кризис всего остального мира, согласно Зубофф (хотя относительно «всего мира» это едва ли точно, все же это взгляд условного глобального Севера), в недостатке контроля, который как будто можно решить с помощью подборки приложений в смартфонах. Считается, что тяга к контролю – тоже культурная особенность, но об этом в книге нет ни слова, желанье контролировать жизнь считается априорной добродетелью.

В третьей части книги Зубофф пытается разобраться с политико-интеллектуальными основаниями надзорного капитализма. Главное из них – это бихевиоризм, точнее, работы Берреса Фредерика Скиннера, автора ключевых концепций бихевиоризма. Зубофф соотносит тексты Скиннера с высказываниями и действиями его современного последователя Алекса Петленда – автора сотен статей и идей, объясняющих роль социальных медиа. Если коротко, бихевиористская идея состоит в возможности устроить жизнь людей гармонично и коллективно – как большой улей, где социальное действие будет важнее всего, люди будут под постоянным присмотром друг друга, а их индивидуальные свободы и частная жизнь исчезнут. Управлять этим будут «настройщики поведения».

- 5 Речь идет о масштабных исследованиях того, как разные пользователи присваивают смысл тому, что они делают с приложениями. Об этих исследованиях можно прочитать в работах: MILLER D. ET AL. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016. P. 286; IDEM. *The Global Smartphone: Beyond a Youth Technology*. London: UCL Press, 2021. На основе первого исследования вышел также большой онлайн-курс, переведенный на разные языки, включая русский. Это важно, так как сам подход антропологов позволяет людям, которых изучали, изучить самих себя и других, исследуя также и то, что делают ученые.
- 6 Это замечание я делаю, ориентируясь на исследования антропологии животных. См., например: РАФФЛЗ Х. *Инсектопедия*. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2019.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

В центре анализа Зубофф – утопический роман Скиннера «Второй Уолден», а также тексты о неприязни к Сартру и свободной воле. Антиутопия Скиннера не тоталитарна. Она является основанием для «инструментарной власти». Если тоталитаризм был ответом на проблемы «века масс», то современная ситуация отвечает на экзистенциальные вызовы неопределенности. Она снимает проблему «авторства собственной жизни», так как в мире победившего надзорного капитализма этого авторства просто не требуется.

Но Шошана Зубофф уверена, что быть отдельной личностью нужно именно сейчас. Она ссылается на работы социолога Эрвина Гоффмана, показывая, как плохо человеку без «кулис», где он может быть самим собой, и настаивает, что в ситуации ежедневных изменений необходимо сохранять «волю к воле».

Метафора дома становится образом святилища, хранилища сокровенности. «Дом» – это возможность сохранить часть себя от вторжения Других. Чтобы это сделать, Зубофф предлагает лоббировать законы о праве на частную жизнь, недоступную наблюдателям.

Она возлагает надежды на GDPR (General Data Protection Regulation – Общий регламент по защите данных) – постановление ЕС, обязывающее владельцев онлайн-сервисов использовать данные пользователей только с разрешения последних. Но главное – на способность отдельных людей сопротивляться и организовано не доверять надзорным капиталистам. Именно эта способность, согласно финалу книги, привела к падению Берлинской стены в свое время, и сейчас вновь пришло время для сопротивления.

ЭТО МАЛЕНЬКАЯ ВАЖНАЯ ИСТОРИЯ

Критики книги часто начинают с того, что Зубофф написала ее в защиту прежнего капитализма, игнорируя его связи с надзорным⁷. Действительно, в одном месте это сказано прямо (а в иных местах косвенно):

«Если суждено быть битве, то пусть это будет битва за капитализм. Пусть нашей исходной позицией будет то, что необузданный надзорный капитализм представляет угрозу не только для общества, но и – не меньшую – для самого капитализма» (с. 257).

Заключение в книге и вовсе оглушительно: Шошана Зубофф пишет, что «инструментарная власть набрала силу вне чело-

⁷ См., например, развернутое критическое эссе Евгения Морозова: MOROZOV E. *Capitalism's New Clothes* // The Baffler. 2019. February 4 (<https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov>).

вечества и вне демократии» (с. 665). Столь громкие заявления, судя по всему, есть следствие двух причин. Во-первых, они позволяют утверждать, что есть некоторые невинные «прозревшие мы», способные воскликнуть «Довольно!» – и сделать это «Довольно!» декларацией (таково заключительное предложение книги). Во-вторых, это позволяет утверждать, что происходящие ныне изменения случайны и не неизбежны. Ведь надзорный капитализм – это экономический порядок, и раз он создан людьми, то ими же может быть изменен.

Борьба с неизбежностью надзорного капитализма – действительно интересное интеллектуальное мероприятие, и многие части книги приглашают к этому. Вот только получается нечто противоположное: критикуя Скиннера, Зубофф не отказывается от его основного термина – «поведение». И, конечно, вслед за термином идет основной тезис: поведение человека есть производное от обстоятельств его жизни. И главное – от информации. Человек рассматривается как машина, настроенная на поглощение информации и совершение каких-либо действий под ее влиянием. Медиацентризм, технический детерминизм и прочие «-измы» сообщают пользователю предельную несамостоятельность. Книга «Надзорный капитализм» ее только упрочивает. «Настройщики» и «цифровые капиталисты» – это всегда Они (не мы). Силой и властью в этой книге обладают лишь государства и крупные корпорации. Чтобы им сопротивляться, нужны декларации (тон Зубофф отсылает к Декларации независимости США, что в контексте разговора об интернете напоминает и либертарную Декларацию независимости киберпространства Джона Перри Барлоу). Все возможности человеку самому понять свои действия в интернете и вне его и распорядиться ими не просто игнорируются, а утверждаются в своей незначительности.

Здесь я не могу согласиться с Зубофф. Действительно, пользователи не объединены, но они не безвластны. Другие исследователи – такие, как Аннетт Маркхэм, – предлагают развивать критическую педагогику⁸. Работы Дэниела Миллера (см. сн. 5) позволяют делиться наработками исследователей с теми, кого они изучают. В России «Теплица социальных технологий» предлагает вместе изучать технологии для некоммерческих организаций и работать с данными, переориентируя их на то, что нужно общественным объединениям, и признавая существующие сложности. Это неполный список того, как можно политически и критически противостоять пресловутому разделению знания.

8 MARKHAM A.N. *Critical Pedagogy as a Response to Datafication* // *Qualitative Inquiry*. 2019. Vol. 25. № 8. P. 754–760.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

Есть и другой способ работать с этой проблемой. Примером является книга даны бойд «Все сложно»⁹, где объясняется: цифровые публичные площадки для подростков не отличаются от пустырей или торговых центров. Сетевые паблики – это места (и одновременно способы) общаться со сверстниками. И, хотя книга бойд не лишена недочетов, она – что очень важно – признает, что люди умеют назначать собственный смысл происходящему. Таких работ не очень много, но они отличаются от «Надзорного капитализма» тем, что позволяют человеку распознавать связи между прежними и нынешними способами социальной жизни и не идеализировать прошлое.

И, конечно, демократия и капитализм не невинны. Сама же Шошана Зубофф показывает: усиление надзорности в надзорном капитализме произошло при участии демократических институтов. Но сами политические обстоятельства осуществились прежде всего в американском контексте. Переноса его на другие страны, стоит быть осторожными: многие суждения и исторические параллели могут не работать¹⁰. Но это не отменяет того, что стремление управлять будущим (занимаясь цифровой трансформацией), владеть данными о все большем количестве процессов (и владеть ими суверенно), равнодушие к содержанию социальной жизни при возможности управлять ею представляют собой глобальную тенденцию. Вот только разные страны и компании реализуют ее не только по правилам, описанным в книге «Надзорный капитализм». И законодательство вроде GDPR вовсе не предохраняет людей от наблюдения, а оказывается пластырем на расплзающихся тканях прежних социальных порядков.

Шошана Зубофф предлагает консервативную реакцию. Ее ключевые слова: дом, сокровенность и свобода, понятая через экзистенциализм, реагирующий на век масс. Альтернативой разделению знания оказывается по-прежнему Просвещение, хотя как, следуя его же путем, не прийти к тому, к чему пришел Скиннер, решительно не понятно.

И это подводит нас к основной проблеме книги. Зубофф пестует индивидуализм и опасается коллективизма. При этом она не учитывает, насколько индивидуализм модерна механистичен. Отношения с техникой плотно в нас встроены, и сейчас сложно говорить о человеке, не имея в виду механизации

9 бойд д. *Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. Шошана Зубофф также цитирует дану бойд и даже не спорит с ней, а обращает ее аргумент в пользу собственного тезиса. Подробнее о книге бойд см.: Колозариدي П. *Почему не существует цифровых аборигенов. Как интернет не меняет наших детей* // Неприкосновенный запас. 2021. № 4(138). С. 263–271.

10 Подробнее см. в: МУРАВЬЕВ Д. *Бестселлер, подобранный специально для вас: «Надзорный капитализм» Шошаны Зубофф* // Теплица социальных технологий. 2021 (<https://te-st.ru/2020/10/30/surveillance-capitalism/>).

описания наших действий. Сами слова «поведение», «информация», «система» скрепляют и порядок современной жизни, и наши представления о себе. Это значит, что, обличая «машины», мы обозначаем их как ситуативного Другого, который всегда будет управляться кем-то еще более Другим. Если человек нуждается в «информации», чтобы производить свое «поведение» внутри «систем», ему нужны «настройщики»¹¹. Так возникает различие и конфликт, требующие постоянного улучшения, чтобы сглаживать и преодолевать себя же¹².

Такая механистичная картина мира вовсе не является ужасным изобретением наших дней. И дело не в машинах, а в способах говорить об их общем существовании с людьми. Ведь современному состоянию предшествовали не вольные землепашцы в раю, а столетия других устройств социальной жизни, в которых контроль был распределен между богачами, священниками, монархами и разнообразными инфраструктурами власти. Поэтому, если нам хочется критиковать происходящее сейчас, делать это с опорой на то, что изменения ситуативны, а свобода была в «золотом веке», мягко говоря, наивно. Индивид сегодня механистичен, и без критики этого индивидуализма говорить о дальнейшей эмансипации – это значит говорить об изменении контроля, смещении знания и власти. Это значит, что, отрицая неизбежность надзорного капитализма, мы рискуем оказаться в других, возможно, не менее репрессивных отношениях, но путь к ним будем считать интеллектуально ясным и политически верным.

Критика без обозначения этого риска закрепляет наш статус подданных – и государств, и корпораций, и экспертов. Не признав такого закрепления, мы не можем ни размышлять об альтернативах, ни политически менять этого. Разделение (в два хода: сначала размежевание, затем совместное пользование), которое тут необходимо, – это разделение знания и политического действия. И, да, они могут быть совершенно противоположны друг другу. Социология прошлого века была жестока в признании изменений. Эмиль Дюркгейм объяснял, в чем благо разделения труда, и различал механическую и органическую солидарности. Макс Вебер показал, как из рас-

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

СОКРОВЕННЫЙ НАДЗОР:
ЗАЧЕМ ШОШАНЕ ЗУБОФФ
СТАРЫЙ КАПИТАЛИЗМ...

11 Если снять кавычки в этом предложении, его можно прочитать иначе: если человек нуждается в знании и понимании, чтобы действовать и жить, это внешнее знание будет кем-то продиктовано. В таком виде этот тезис куда проще оспорить – например, можно сказать, что человек может не нуждаться в знании, которое подается извне. В общем, этот тезис перестает быть бесспорным и становится основанием для политического обсуждения. Зубофф также призывает к политике там, где сейчас есть только принятие бюрократических решений. Но она использует тот же язык и методы рассуждения, что и объекты ее критики. Поэтому и призывы к политизации скорее звучат как призывы к бюрократизации.

12 Дмитрий Жихаревич в своей рецензии показывает, опираясь на работы Дэвида Грэбера, что «умные» технологии построены на очень незамысловатых основаниях, а также на насилии, облаченном в бюрократическую форму: ZHUKHAREVICH D.M. *How Algorithms Became Capitalist // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. № 1. P. 398–409.

пада Римской империи возникает дух капитализма и чем он полезен. Они не пытались тут же освободить людей от оков власти. И у них получались важные тексты, которые до сих пор стоят того, чтобы к ним прислушаться, или действия, которые заслуживают внимательного изучения. Жильбер Симондон предложил видеть возможность сотрудничества человека с техникой, где настройщики – это самые разные люди, которые просто с ней взаимодействуют¹³. Иван Иллич, критикуя общественные институты вместе с техникой, разработал критическую педагогику, которая позволяет познавать иначе и предложить альтернативное устройство институтов¹⁴.

Сейчас – в 2022 году – нам важно понимать контекст книги Шошаны Зубофф. И этот контекст очень локальный. Книга критична к американскому общественному устройству; к законам, которые запаздывают; к забвению идеалов времен американской революции; к важности индивидуализма как основы судеб многонационального американского народа; к тому, как устроено знание для создателей «умных» сервисов. Но в своей критике Зубофф исходит из тех же оснований, которые являются, согласно ей, проблемными. Чтобы подчеркнуть собственную критическую позицию, Зубофф утверждает, что демократия и человечество не причастны к происходящему. Критики оснований в книге почти нет, поэтому к политическим высказываниям сложно присоединиться.

Ценность этого текста в том, что он предлагает контекст для изменений, которые считаются глобальными. Важно изучать такой контекст в разных странах как ради социальных изменений, так и ради порой политически неприятного, но столь нужного понимания отношений людей, институтов и технологий. Самое интересное в книге – это именно сотни страниц контекста, а вовсе не лозунги, которыми она заканчивается. К сожалению, лозунги из этого текста не вытащить.

13 SIMONDON G. *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017.

14 Иллич И. *Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир*. М.: Просвещение, 2006.